

И.А. Исаев. СОЛИДАРНОСТЬ КАК ВООБРАЖАЕМОЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ.

М.: Проспект, 2009. 175 с.

Современная эпоха в значительной мере опирается на традиции, заложенные европейским рационализмом XVII–XVIII вв. Пожалуй, большинство социологических, правовых или политических концепций XX в. прямо или косвенно ведут с ним диалог. Его наследие весьма многообразно и востребовано. Однако, возможно, наиболее спорным вопросом остается вопрос о единстве общества и государства. Одна только концепция “общей воли” Руссо, проявление которой и делает общественный организм единым целым, вызвала и вызывает бурную полемику. Мыслители XVII–XVIII вв., создавшие теорию светского государства, основанного на естественном праве и общественном договоре, выдвинули на первый план идею органического единства общества и государства, для обозначения которого использовались различные термины: “организм” (*corpus*), “целое”, “хорошо упорядоченное государство” и т.п. Не касаясь корней этого учения в античности, в особенности в эпоху Средних веков, отметим, что оно сыграло определяющую роль в формировании политических концепций, альтернативных новоевропейскому абсолютизму эпохи Нового времени. Единое “тело нации” уже отнюдь не отождествлялось с “телом короля” (см.: Канторович. Два тела монарха). Органическое единство нации, “народа” являлось теоретической фикцией, в рамках которой высказывались различного рода идеи: общественного соглашения, “смешанного правления” (аристократического, как у Майерна де Тюрке, или “монархии с элементами демократии”, как у маркиза д’Аржансона). Идея целостности нации позволяла помыслить и о возможности распределения суверенной власти между отдельными сословиями, “организмами”, органами государства (Монтескьё, Ж.-Ж. Бюрламаки, “Федералист”). Мысль об органическом единстве политического пространства касалась не только жизни отдельных государств и народов. Она охватывала все человечество в целом. Достаточно вспомнить “Проект вечного мира” аббата де Сен-Пьера или рассуждения Мабли в трактате о международном праве. Идея органического целого общества и государства, которые становятся инструментом объединения человечества, не был чужд и Руссо, выразивший эту мысль весьма емкой формулой: “Мы станем людьми, собственно, лишь после того, как стали гражданами”.

Опираясь на достижения социологической и философской мысли, эпоха Новейшего времени пытается критически осмыслить и рационалистический оптимизм эпохи Нового времени с его идеей органического единства общества и государства, создавая концепции “социального права”, “социальной солидарности” и т.п. Монография известного ученого, проф. И.А. Исаева представляет собой анализ этой традиции в развитии политико-правовой мысли последних четырех столетий с акцентом на современность. Тем самым термин “солидарность” приобретает смысл, далеко выходящий за рамки привычной его трактовки в сочинениях Л. Дюги или Л. Буржуа. Идея “солидарности” рассматривается в книге как доминанта политического и правового сознания в Европе Нового и Новейшего времени, а его исследование приобретает необходимую ретроспективную

глубину, закономерно охватывает смежные с юриспруденцией отрасли научного знания: философию права, социологию, историю политических учений.

Взгляд на идею “солидарности” как на доминанту политического и правового сознания эпохи Нового и Новейшего времени позволяет уточнить этапы развития этой идеи, особенности рефлексии, которой она подверглась в XX в. (с. 137–139), указать на сложности трактовки договорных концепций происхождения государства и права в XX в. и на их неоднозначность (гл. 1, 2). Этот взгляд на континуитет и дискретность в развитии политико-правовой мысли эпохи Нового и Новейшего времени дает возможность отойти от хрестоматийного и иллюстративного подхода к ее изучению, который, к сожалению, нередко имеет место в отечественной науке. И.А. Исаев сосредоточивается на анализе проблематики, являющейся сквозной в ее развитии.

Как представляется, одним из таких перспективных направлений исследований, которое открывает его монография, становится изучение трансформаций классических утопий в эпоху Нового времени в современности, которые автор видит, в частности, в работах Ф. Тенниса и Л. Дюги в их учениях об “общностном” или “социальном” праве. Этот аспект совершенно не рассматривался в классических сочинениях Э. Блоха (*Das Prinzip Hoffnung*) и в фундаментальном научном труде Ф. Меньюэля, посвященном истории утопий в западноевропейском политическом сознании. Корень этих трансформаций И.А. Исаев справедливо видит в глубинных изменениях мировоззрения европейского человека эпохи Нового и Новейшего времени: “Бог, организатор и устроитель вечной солидарности, ее невидимый первоисточник, ушел из истории” (с. 36).

Идея социальной “солидарности” прослеживается в книге в различных аспектах: от анализа ее онтологических оснований (гл. 1 и особенно гл. 2) и социальной феноменологии к гносеологическим, аксиологическим и психологическим основам ее существования (например, в том, что касается трансцендентальных оснований “единства ордена”). Для изучения названных вопросов автор поддерживает весьма плодотворный диалог с ведущими и авторитетнейшими мыслителями XX в.: Г. Кельзеном, Л. Дюги, М. Ориу, Г. Радбрухом, Ф. Теннисом, П. Рикером и др. Акцент на современной интерпретации идеи органического единства общества позволил И.А. Исаеву представить политико-правовую мысль XX в. не как нестройную многоголосицу различных мнений и концепций, но как единое, диалогически выраженное целое, вырастающее из традиции и одновременно порывающее с ней. Возможна ли стройная теория социальной солидарности в полях дискурса, развитого в XX в.? Автор приходит к закономерному выводу о том, что “неизбывный антагонизм, свойственный самому научному мышлению, так никогда и не позволит нам говорить о возможности создания монолитной социальной солидарности как в теории, так и в социальной действительности” (с. 70). В этом смысле можно сказать, что идея социальной солидарности является с гносеологической точки зрения антиномичной.

Именно в сфере конфликта “ценностей” и “фактов” коренятся, по мнению И.А. Исаева, проблемы социального бытия индивидов в их взаимодействии с властью и ее структурами. Эти конфликты на начальном этапе демифологизировали пространство политической мысли. Примером тому могут служить судьбы теорий “баланса властей” и “общественного договора”. В XVIII в. они являлись своего рода обоснованием абсолютной ценности, каковой мыслилась политическая свобода при монархическом или республиканском строе. В XX в. эти идеи утрачивают свой универсальный характер: они рассматриваются как условия, позволяющие обеспечить “господство закона”, как “технический инструмент властвования” (с. 85), реализуемый в едином “властном континиуме” (с. 102). Аналогичным образом происходят существенные видоизменения в идее представительного правления как выразителя “народной воли”, поскольку сам орган представительства “персонифицируется” и в известной мере дистанцируется от народа. А идея свободной ассоциации индивидов, порожденной общественным соглашением, мыслится в XX в. иначе. В ассоциации граждан огромную роль играет “принуждение к присоединению” (с. 93).

Модификации в социальном и правовом сознании человека XX в., а также в реалиях современности, которые нашли свое выражение в сочинениях ведущих мыслителей, рассмотренных в монографии, не могут не обратить на себя внимание. С одной стороны, ряд мыслителей сохраняют руссоистскую идею о том, что власть способна транслировать определенные ценности и идеалы в общество. (Вспомним Руссо: “Народ является не чем иным, как тем, чем его делает правительство”.) Другими словами, механизмы власти поддерживают солидарное единство общества. С другой – “мир бюрократического” создает новые “символы”, общество оказывается подверженным различного рода “деривациям”, а по сути, в нем возникает своего рода новая мифология, в которой власть воспринимается «как феномен силы с оттенком мудрости» (с. 116), и на этом фоне возникают коллективные страхи, надежды и верования (с. 138).

Какова судьба солидаристской идеи в современности? Быть может, сегодня актуальны идеи Г. Гурвича с его концепцией “социального права”? Увы, «“корпоративистский” по сути подход солидаристов воспринял многие черты средневекового имперского права» (с. 158). Антиномия “социаль-

ности” и права как спонтанного проявления социальности индивида, с одной стороны, и государственного господства – с другой, оказывается непреодолимой. В этой ситуации И.А. Исаев подчеркивает значимость “номотетических” идей, высказанных в политической литературе XX в., прежде всего в трудах К. Шмитта. Теория “большого пространства” как сферы, в которой происходит утверждение “всех основополагающих и жизнеустанавливающих (биовласть) сторон индивидуальной и социальной жизни”, позволяет понять будущее идеи социальной солидарности, которая в форме глобализации “обещает стать единственной солидарностью на Земле” (с. 175).

Современная отечественная наука теории государства и права (как и смежные с ней научные дисциплины: история политических и правовых учений, история государства и права, философия права) переживает особый этап в своем развитии. Они оказались перед лицом своеобразного вызова. Огромное количество переводной литературы и литературы на иностранных языках попадает в поле зрения читателя – от ученого до студента, да и просто “заинтересованного читателя”, который уже недоверчиво смотрит на разного рода пособия, “рекомендованные” или “допущенные” откуда-то сверху. Многолетний педагогический опыт, умение в доступной и в то же время не в упрощающей объект анализа форме донести до читателя сложный, насыщенный философскими, правовыми и историческими идеями материал позволили проф. И.А. Исаеву написать книгу, которая, безусловно, будет востребована читательской аудиторией.

Свободная форма очерков приглашает его к диалогу, к дальнейшим размышлениям, заставляет по-новому взглянуть на ставшие хрестоматийными идеи Гоббса или Гегеля, к которым обращается автор. Идея социальной солидарности тесным образом связана с проблемой идентичности народа: чем он мыслит себя как единое целое? В свете сказанного актуальность и научная значимость монографии И.А. Исаева не подлежат сомнению.

**С. В. Занин,
доктор ист. наук**